

ПЕРСОНА КАК ВЫЗОВ

В.А. СУЛИМОВ

Одним из наиболее ярких проявлений персонологической революции конца XX – начала XXI вв. является формирование персонологических черт текстов культуры, становящихся новым самостоятельным (и=самодетельным) интеллектуальным субъектом. В этом случае «текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как трансформационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности»¹. Отмеченная Ю.М. Лотманом существенная модификация коммуникативной рамки текста, традиционно испытывавшего давление (одномоментное или растянутое во времени) действующих субъектов текстовой деятельности – автора, читателя, наблюдателя, – является следствием «когнитивного поворота» в структуре индивидуального сознания, когда *рефлексии знания* стали актуализироваться (и реализовываться) в коммуникативных актах любого объема гораздо в большей степени, нежели *рефлексии коммуникативного поведения*. Модификация коммуникативной рамки привела к укрупнению и углублению когнитивных черт *понимающего поведения*, этой особой социально-культурной реальности, главными опорами которой становятся «текст культуры» (т.е. результат означивания мира) и «семиозис» (т.е. процесс означивания мира). При этом процесс означивания мира и его результат оказались парадоксальным образом связанными в жестких пределах замкнуто-разомкнутой последовательности когнитивно-дискурсивных практик (спонтанных, квантовых проявлениях рече-мысли).

Размышления о семиозисе как «энергетической базе» современного социокультурного процесса, органически включающего в качестве условия, средства и результата текстовую деятельность индивидуума, обязательно приводят к вопросу о новом субъекте знаковой коммуникации, особой когнитивной сущности, называемой нами *Персона*². *Персона* в своем логико-феноменологическом ракурсе бытия обладает не только телеологическими свойствами, но и онтогенетическими чертами, семиотическими по своей сущности. К таким чертам относятся: (а) переменный характер и способ рефлексии, (б) спо-

способность к смысловосприятию и смыслопорождению на раз-ной (часто противоречивой) логико-системной основе, (в) повседневный бытийный статус в контексте текстовой деятельности (в том числе – отсутствующей). Нетрудно видеть, что все эти элементы более или менее «целостного» портрета нового субъекта философско-культурологической мысли очерчивают некоторое идеационное пространство, выделяемое из общего поля гуманитарного знания. Идеационное пространство *Персоны* включает в себя фрагменты и ассоциации, относимые традиционно к философскому, психологическому и филологическому знаниям, объединяемым философско-культурологическим способом приписывания существенных свойств.

Культурологический анализ новейшего литературного текста обнаруживает обозначенную нами *Персону* как некий выделяемый в процессе текстовой деятельности субъект, «снятый» сознанием в комплексе ментальной и креативной деятельности, зависимых, конечно, от состояния индивидуального сознания и социально-культурных доминант эпохи, но не исчерпывающийся ими. *Персона* (по крайней мере, в нашем понимании) – это не действующее лицо, личность, индивидуальность, обладающее нарративом существования (нарратив существования может быть, в конце концов, описан в виде биографии и интериоризирован в виде знания), это конструкт, модель ассоциативной картины мира, структура и (одновременно) результат деятельности понимания, относящаяся не собственно к данному сознанию данного субъекта, а к достаточно узкому коридору, возникающему между сознанием субъекта и текстом культуры в процессе его порождения / восприятия, с одной стороны, и «знанием о...» как неперменным условием любой интерпретации – с другой. Соответственно, тот раздел гуманитарного знания, который занимается *Персоной* как феноменом культуры есть когнитивная персонология – специальная исследовательская программа сложного культурного феномена, «взятого» в контексте интеллектуальной деятельности, характерной для постструктуралистской семиотической фигуры *интерпретатора*³. Моделируемая нами *Персона* (наблюдать *Персону* невозможно по определению), не будучи обязательной принадлежностью одного (отдельно взятого, данного) сознания, обладает *телом мысли (смыслом)* как обязательным условием существования и *бытийностью* (а, значит, и *телесностью*) как не обязательным, но существенным свойством. Когнитивная пер-

сонология – предлагаемый ракурс исследования сложного феномена *Персоны* – имеет не только идеационных предшественников (классическая герменевтика, теория интертекста, философская теория личности), но и прямо коррелирует с некоторыми современными направлениями философско-культурологического знания. Речь, прежде всего, идет о работах Г.Л. Тульчинского в области *постчеловеческой персонологии*, показавших персонологический сдвиг не только в парадигме гуманитарного знания, но и в индивидуальном и социальном сознании постнеклассической эпохи. Ему принадлежит также идея о разрыве телесного и интеллектуального, персонологического и бытийного в условиях быстро меняющегося глубоко виртуализированного мира ощущений⁴.

Действительно, само возникновение идеи когнитивной персонологии – примета эпохи постмодерна (постнеклассического времени или теперь уже пост-постнеклассического времени), изменившей систему классических когнитивных трансформаций «смысл – текст» за счет выстраивания новых знамиевых и аксиологических парадигм «непарадигмального», алогического и невоспроизводимого вида. В этих парадигмах произошла ломка устойчивых *бинарных* оппозиций сверх-абстрактного ранга (символический / логический, высокий / низкий, референциальный / модальный, субъект / объект, элитарное / массовое) и выстраивание новых – *цепочечных* оппозиций (например, *визуальный / индивидуальный / популярный / символический / амбивалентный* или *концептуальный / идеологический / групповой / парадоксальный / воспринимаемый*). Такие оппозиции, безусловно, неустойчивы и, скорее, демонстрируют место бытия индивидуального сознания (интеллектуальный локус), нежели способ и структуру бытия как такового. Они совершенно текстуальны, даже в том случае, когда их текстовое происхождение не сознается субъектом. Обладая поверхностной референцией, большинство действующих и воспринимающих субъектов современности (в том числе российской) оказывается пассивно вовлеченным в текстовую (виртуальную) деятельность в результате агрессии СМИ или доминирования виртуально-визуального ряда повседневности. Другими словами, современную эпоху можно определить через наиболее распространенный способ выстраивания *Персоны* как *эпоху погружения в текст*. Этот процесс сродни процессу распада семиозиса⁵ или процессу когнитивного возврата в семантическую

матрицу раннего периода онто- и филогенеза. «Новое младенчество» обладает новым преобразованным ресурсом памяти, которая уже не принадлежит индивидууму, а «раскатана» «специалистами по PR» по всему информационному пространству, выстраивающему индивидуальные наборы пресуппозиций знания «под заказ» или «под цель». При этом быстро идущий распад национального семиозиса правомерно воспринимается наблюдателями как распад «высокой культуры» или культуры памяти: «Высокая культура, или культура памяти, разрушается и не выдерживает прессинга со стороны “низкой”. Более того, “низкая” культура нанимает высококлассных исполнителей для того, чтобы реализовать свои цели... “Высокая культура”, культура памяти, упражнения и труда, все более сжимается, наподобие бальзаковской шагренево́й кожи, и она, в чем надо признаться, имеет невозполнимый ресурс»⁶.

Характер изменений структуры и деятельности памяти — стержневого компонента сознания — демонстрирует общую стратегию самовоспроизводства *Персоны*: от последовательного представления знаков в ходе создания логического или эмоционального нарратива к симультанному и параллельному представлению визуализированных фрагментов в виде парадоксального а-нарративного дискурса с изменяющимся топиком и аргументами. При этом элементы а-наррации, оторвавшиеся от своих тематических блоков-пресуппозиций, осуществляют «броуновское движение» в границах *языкового континуума*, «запускающего» когнитивные механизмы «смысл — текст» в неконечные фазы осмысления высказывания (в нефиксируемых или плохо фиксируемых ситуациях предтекста, затекста, подтекста, послетекста, «намека» и «прикола», но не в хорошо фиксируемых ситуациях интертекста, контекста, тем более — структуры текста или логических элементов текста — логем). В этой связи можно говорить об общем падении логики как формы представления смыслов⁷.

Семиотически феномен общего доминирования языкового континуума, уже достаточно четко наблюдаемый не только в литературных, но и в большинстве иных текстов (СМИ, рекламных, юридических, научных и др.) описывается как переход от преимущественно дискретного к преимущественно континуальному выбору знака, от кодов культуры к мега- и гиперкодам, осуществляющим новое (неконечное) фрагментирование мира. Стилистически этот феномен выражает себя в виде

эмоционально-экспрессивной и оценочной избыточности текстов. Культурно-антропологическое понимание этого же феномена заложено в явлении гипер-континуальности языкового сознания, возвращающего символически-образные миры (и=фантомные объединения) в режим актуализации⁸.

«Знаниевая», тезаурусная или *собственно когнитивная* составляющая такого (измененного) сознания деформируется до индивидуализированной системы подвижных образных (визуализированных) скоплений или своеобразной *стратегии когнитивных теней*, которые взаимодействуют с текстовой средой в аналоговом режиме, но не создают устойчивых гештальтов или фреймов. Подвижность образной системы, успешно противодействующая интериоризации как основному способу формирования традиционной когнитивной структуры – уровня сознания, препятствует накоплению и структурированию концептов (и тем более – выстраиванию индивидуально-варианта концептосферы)⁹. Миметическое по природе «уподобление образу», или *поиск ассоциативного тождества*, оказывается всегда незавершенным, легко разрушаемым при помощи общего или даже частичного изменения текстовой среды: смены пиар-тональности, суггестивного смыслового регистра СМИ или «выпадения» индивидуального сознания из псевдокогнитивного «текстового бульона» повседневности. При этом сильный тип индивидуального сознания (меньшинство) проходит в «кипящем растворе» неустойчивых подвижных смыслов интеллектуальную тренировку и осваивает *стратегию когнитивных теней* как одну из когнитивных стратегий креативности (другими словами, использует ее для создания текстов культуры с заданными стилистическими свойствами), слабый тип индивидуального сознания «не справляется» с ассоциативным пространством и впадает в медленный процесс деструкции, связанный с ситуацией распада семиозиса как такового. Таким образом, директории деконструкции и деструкции в аналогичной ситуации когнитивного перехода существенно расходятся, предлагая, фактически, два нестрого противопоставленных культурно-антропологических исхода (разрушения / преобразования сознания или разрушения-преобразования сознания): «Фиксация в представлении того, что стало внутренним, тренирует способность концентрации, а вместе с ней и силу воображения. Поскольку образ воспроизводится только воображаемо, его необходимо все время заню-

во восстанавливать вопреки присущей ему неизбежности исчезновения и фиксировать вопреки потоку всплывающих во внутреннем мире “образов-помех”»¹⁰. Можно, по-видимому, считать, что образные скопления (как и протообразные — собственно символические элементы) являются проективными образованиями гипертрофированной фантазии — феномена слабо вычлняющегося и потому недостаточно описанного: «Совершенно очевидно, что фантазия не поддается рациональному объяснению. Сами образы следует понимать только как воплощение этой элементарной силы, которая необъективируема и не подлежит учету»¹¹.

Из общего состояния *Персоны* как субъекта нового типа, существующего в нефизической реальности подвижных образных скоплений, возникает первое ее свойство — свойство «эмпирико-трансцендентального удвоения», связанное с двуединым процессом понимания и/или непонимания: «Будучи двуединством эмпирического и трансцендентального, человек является, таким образом, местом непонимания — того самого непонимания, которое постоянно грозит затопить мысль ее собственным небытием, но в то же время позволяет мысли собраться в целостность на основе того, что от нее ускользает»¹². Двухединная *Персона* представляет собой центр соединения информационных потоков в симультанной (вихреобразной) смысловой конфигурации, разрушающейся под воздействием последующего отрезка времени и является следствием перманентной парадоксальной оценки. Эта новая «нон-логическая» импульсивность уже разрушила классическую эпистему, являвшуюся результатом последовательного выстраивания индивидуальных пресуппозиций знания в синтагматических и парадигматических рядах. Эпистема — мельчайшая значимая частица речи-смысла, столь устойчивая в классическую и постклассическую эпохи, — стала противоречить сама себе именно в текущую эпоху, обосновавшую *тождество на парадоксе* в качестве новой логической основы не только текста, но и осмысления повседневности¹³. Ассоциативное и/или обычное тождество как бы проваливается в зазор, разрыв между семиотикой дискретных знаков (системой значений, например, словарных) и герменевтикой текста (системой континуальных смыслов), вызывая уже не тезаурусные, а *удвоенные* — трансцендентальные и чувственно-визуальные смыслы-ассоциации. Утрата эпистемологической (тезаурусной) ясности (законченности) как раз и

является эманацией естественного и неуничтожимого статуса смысла: «Эпистемологическая сетка немедленно утрачивает ясность; с первого же захода прозрачность мутнеет, возникает темное пространство, которое придется постепенно освещать. Это и есть “природа”, то, что надо стараться познать. Все было бы очевидным и ясным, если бы герменевтика сходства и семиология примет совпадали между собой без малейшего колебания»¹⁴.

Являясь пустотой, зазором между двумя системами означивания, система смыслов должна породить Нечто, не только читающее себя, но и выражающее себя. Это Нечто есть *Персона*, обладатель потенциальных смыслообразующих связей, точка воссоздания и преобразования смыслов. Другими словами, система сходств и подобий (или=парадоксов и противоречий), наложенная на область индивидуальной ментальности, обязательно порождает *Персону*, не совпадающую по своим характеристикам с личностью уже хотя бы тем, что Персона не имеет экзистенции как таковой. *Персона* — гиперзнак, некоторый центр когнитивных соответствий, одновременно — центр неравновесного равновесия неоднородных сущностей бытия, оказывающихся всегда предтечей и предпосылкой текста. Причем высокая степень когнитивного несоответствия и неравновесия соотносимых сущностей есть исходная точка порождения текста. *Персона*, существующая в небытии предтекста как постчеловеческий неантропологический феномен, является моментом инициации текста в его речесмысловом непосредственно данном сознанию инобытия.

Поэтому в постнеклассической ситуации *самобытия всего сущего* (своего рода когнитивной эманации идеи *Свободы*)¹⁵ литература оказывается в «пустом» ментальном пространстве *Между*, ограниченном *самобытием* как принципом постнеклассического существования и *инобытием* как принципом реализации постантропологической *Персоны*. Это создает ситуацию той неопределенной отделенности, вечной пограничности литературного текста, которая не только характерна для текстов современной прозы, но и формирует особый ракурс видения прозы прошлого. Литературный текст освобождает себя от оков стандартного восприятия (воспринимающего субъекта), как и от фиксированной коммуникативной рамки порожденных высказываний (Адресант — Адресат — Сообщение — Ситуация), гипертрофируя при этом позицию Наблюдателя, придавая ей не

собственно знаниевые, а креативно-философские черты *Отдельного, Особого, Единичного*. Литературный текст становится формой протекания бытия-речи, не несущей ответственности перед когнитивно-социальными пустотами, имеющими самозванческий статус (или иначе – *личностями (автора, читателя, критика, etc)*): «В тот самый момент, когда язык как развернутая речь становится объектом познания, она тут же появляется вновь в прямо противоположном качестве: как безмолвное бережное нанесение слова на белизну бумаги, где оно не может иметь ни звучания, ни собеседника, где ему не о чем говорить, как о себе самом, нечего делать как сиять светом собственного бытия»¹⁶. Познание и самопознание для личности, оказавшейся в когнитивной пустоте пост-антопологической травмирующей реальности, в пространстве *Между*, где повседневность как устойчивая часть реальности уже разрушена повседневностью как эманацией погруженного в текст сознания, возможно только на директории постижения *Иного* с последующей выработкой текстового смысловидения (и=смыслоощущения) мира.

Ситуация когнитивной переориентации сознания из состояния созерцания и понимания в состояние перманентного моделирования реальности сродни наблюдаемой ситуации переориентации литературного текста в некоторый континуальный «мовизм», который является стилизованным способом погружения в текст (эту, как тогда казалось, стилистическую модель текстопорождения в 70-е годы XX в. обнаружил и использовал Валентин Катаев¹⁷). Натали Сарот, например, так ощущает действие этого нового приема текстопорождения, а точнее – нового вмещающего свойства литературного текста в эссе «Эра подозрения» (1950): «Читатель сразу оказывается внутри, там же, где и автор, на глубине, где уже не осталось ни одного из удобных ориентиров, с помощью которых он когда-то конструировал персонажей. Он погружен и останется до конца погруженным в некую субстанцию, анонимную как кровь, в магму, лишенную имени, лишенную контуров»¹⁸. Можно говорить также и о некотором самоощущении авторами когнитивного присутствия *Персоны* в пределах ближайшего к ним текстового пространства. Отвечая на традиционный вопрос корреспондента о творческих планах, современный итальянский поэт (и «эпатажный прозаик») Альдо Нове утверждает: «Я – одно необъятное множество»¹⁹.

В условиях своего осуществления, но несуществования литературный текст становится полной принадлежностью *Персоны* – новой сущности, преобразованной когнитивной революцией конца XX – начала XXI в. из интерпретационных характеристик Иного-Другого, так и не ставших ступеньками референциального развития сознания большинства (некоего культурно-интерпретационного «движения масс» по освоению философски сложных литературных текстов). Отринув философски сложные, нелинейные тексты как ненужный хлам, но не имея возможности прекратить саму текстовую деятельность, попав в плен информационных полей Интернета и СМИ, погружаясь в тексты в пассивном режиме, сознание масс породило феномен *Персоны*, демонстрирующий действительный переход в новое измерение истории – постантропологическое.

Из дискуссии

В.М. Розин: Мы говорим – проект и проектность... А ведь есть более древний способ концептуализации и трансформации реальности – построение разных схем, схематизация, схема. Кант говорил в «Критике чистого разума», что между категориями и вещью-в-себе стоят схемы. Когда вы входите в метро, вы читаете схему метрополитена, ведь метро под землей, мы видим только на основе схемы, – и она задает вам видение реальности, и задает вам структуру действия, поведения – очень эффективную. Если вы посмотрите на самые древние представления, в основном мифы, – они тоже строятся на основе схем. Так вот: я бы сказал – личность в этом смысле больше работает со схемами, а вовсе не с проектами. И на основе схем она и структурирует и формирует себя, я бы сказал, обнаруживает свое бытие тоже через схемы. Это очень важная тема. Я считаю, что наряду с семиотикой как учением о знаках должна быть и схемология, учение о схемах, схематизациях – одно из направлений новой интеллектуальной логики. Я за то, чтобы мы имели дело с разными интеллектуальными инструментами: и с логикой в традиционном смысле, и со схематизацией, и с использованием метафор. Важно везде себя контролировать, т.е. спрашивать: «А как вообще с этим работать, где граница этого понимания личности, границы понимания проектирования?» и т.д.

А.М. Лобок: Вадим Маркович, поскольку Вы призываете к интеллектуальной точности, давайте уточним и мы. Когда Вы говорите «миф строится на основе схемы», это должно означать, что схема уже заложена, сначала придумана схема, потом построен миф. Мы можем реконструировать схематический миф, мы мо-

жем построить схему мифа. Но давайте будем точными. Это немножко другое.

А.И. Кузнецов: Дело в том, что слово «схема» на древнегреческом означает «образ», в конечном итоге, «знак». Если человек имеет способность к символическому мышлению, к тому, чтобы существовать на символическом уровне, то здесь нет противоречия, потому что миф появляется как результат репрезентации в качестве знака чего-то другого.

В.А. Сулимов: Существуют три действующих инструмента интеллектуального постижения мира: концептуализация, метафоризация, ремейк. Сегодня доминирует типизация ремейкового типа. Она заглушает концептуализацию и даже метафоризацию. Масса литературных текстов, культура в целом очень хорошо показывают избыток ремейка. Развитие новой концептуализации предполагает появление очень серьезных механизмов, которых я пока не вижу. В первый день круглого стола Г.Л. Тульчинский обратил внимание на то, что этот пост-постмодерн, пост-постнеклассическая неперсонологическая персонология – нечеловеческая, внечеловеческая, они должны чем-то разрешаться. И я думаю, что если мы действительно найдем интеллектуальные практики восстановления естественности логического сознания, то мы, конечно, перейдем в новую интерпретационную фазу – в фазу некой новой гармонии. Она все равно не будет тавтологической, метафоризация будет, конечно, сохраняться. Но я лично таких интеллектуальных практик пока не вижу. Если кто-нибудь их укажет, то я буду весьма признателен. Даже если хотя бы существует некоторое представление об их конструировании, – это очень интересно. Я просто счастлив тем, что здесь присутствуют, по крайней мере, два персонажа из моих изысканий, наблюдений за текстами – Р.Э. Арбитман и А.П. Люсый, которые объединяют в себе, как минимум, ученого и литератора. Но этот опыт надо осмыслять и осмыслять.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 131.
- ² Слово «Персона» использовано нами для создания термина в предметном значении «личина», «маска» и намеренно (по признаку *обязательной/не обязательной субъектности*) сопоставлено со словом «Личность».
- ³ Интересно, что литературоведы XX в. относили этот феномен к *образу автора*, видя в нем преимущественно стилистические черты.
- ⁴ См: Тульчинский Г.Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Семиозис и культура: философия и феноме-

- нология текста. Вып. 5. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2009. – С. 7 – 20.
- ⁵ См.: Сулимов В.А., Фадеева И.Е. Русская идентичность: культура и текст // Семиозис и культура. Вып. 3. – С. 3 – 16.
- ⁶ Подорога В.А. Post scriptum // Культурология как наука: за и против / Круглый стол. Москва, 13 февраля 2008 г. – СПб.: СПбГУИ, 2009. – С. 69.
- ⁷ См. подробнее: Сулимов В.А. Философия и логика русского языкового континуума. – Сыктывкар: КГПИ, 2006.
- ⁸ Побочным следствием этого является актуализация религиозной идеологии, воспроизводящей старые парадигмы, построенные, правда, на новой аксиологической базе, выходящей далеко за пределы традиционного ислама или христианства.
- ⁹ Это вполне относится к социальным аспектам построения концептосферы (в том числе национальной) как основы бытия культуры. Концептуальный дефицит, который для нашей страны становится уже заметным, пытаются подменить созданием набора симулякров в виде некоторой «новой» государственной или национальной идеологии.
- ¹⁰ Вульф К. Антропология: история, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 208.
- ¹¹ Там же. – С. 210.
- ¹² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 344.
- ¹³ Поэтому лингвокультурологический термин «логоэпистема» (как и термин «культурема»), применяемый для слова, накопившего «культурные смыслы», сам оказывается парадоксальным по определению.
- ¹⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – С. 66.
- ¹⁵ Автор не видит никакого противоречия так понимаемой интеллектуальной Свободы с евангельской идеей: «Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование – все *sic* да будет к назиданию» (1 Кор. 26).
- ¹⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – С. 324.
- ¹⁷ Следует отметить, что художественно-документальная проза В. Катаева («Алмазный мой венец», «Святой колодез» и «Разбитая жизнь, или Золотой рог Оберона») вкупе с его романом «Кладбище в Скулянах», ознаменовали в 70-е гг. «глобальный поворот» русской (советской) литературы XX в. к Другому читателю, никак, на мой взгляд, не оцененный литературной критикой, как, впрочем, и литературоведением.
- ¹⁸ Сарот Н. Здесь. Откройте. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. См. также: Сулимов В.А. Философия и логика русского языкового континуума.
- ¹⁹ Вызов всякому, кто убил в себе ребенка Анна Ямпольская беседует с Альдо Нове о поэме «Мария» // Альдо Нове. Мария. Фрагмент поэмы / Пер. А. Прокопьева // Иностранная литература. 2008. № 10. – С. 82.